

ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ

Девятнадцатилетняя выпускница Мозырьского двухгодичного учительского института Нина Воеводова свой первый учебный год работала в Снядинской семилетке. Село Снядин располагалось в белорусском Полесье, на правом, низком берегу Припяти. Он ещё был более-менее обжит людьми, а вот дальше были болота, низкорослые полесские леса и редкие, затерянные в них деревеньки. Чем там занимаются люди, для Нины оставалось загадкой. Снядин на этом фоне казался центром цивилизации – семилетка, сельсовет, клуб, центральная усадьба колхоза и даже речная пристань, откуда в навигацию было легко добраться до райцентра Петриков – родового гнезда маминой семьи. Там, в маленькой домике, купленном на пенсионные деньги, полагавшиеся за погибшего отца – офицера Красной Армии, жили мама и младшая сестра Люся. Зимой, правда, приходилось топать по тропинке, проложенной по льду замёрзшей реки, а вот в ноябрьские каникулы, Нина попадала в ставшим родным жильё, только, если по реке не плыла шуга. Тогда, пройдя больше двенадцати километров вдоль берега и перейдя вброд мелководную Уборть, можно было только уповать, что найдется лодочник на этом или том берегу.

Вернувшись после войны в родной город, мама купила домик метрах в двухстах от дедовского участка, на котором стояла до сентября сорок первого большая, на двенадцать окон, родительская хата. Её сожгли украинские полицаи, когда вели топить в реке местных евреев. Начинало темнеть, об уличном освещении тогда в Петрикове ещё не задумывались, а ведь жида и жидовки помоложе могли дать дёру. Вот и запылал дедовский дом вместе с десятком других. В войну родители мамы с её младшей сестрой Олей ютились у родственников, глава семьи умер, сын сгинул под Сталинградом, поэтому по освобождению они смогли как погорельцы только получить дармовой лес и за копейки построить избушку всего-то в три окошка. Вот поближе к ним мать Нины и нашла пристанище себе и дочерям. Вместе с роднёй всё же легче и веселее.

Нина училась в школе на пятёрки, только физкультура и черчение чуть испортили аттестат. Могла бы поступить даже в Минский университет, но по достижении восемнадцати лет переставали платить пенсию по утрате кормильца. Вот и решила она идти в двухгодичный. И в неполных девятнадцать, молоденькая девушка, на вид ещё почти девчонка, стала учить русскому языку и литературе здоровых пятнадцатилетних бугаёв, будущих энтэсовских трактористов и колхозных конюхов. Было трудно. Дисциплина в послевоенное время в школах была аховая. Ученичок мог запросто сигануть с урока через окно, и в лес по грибы или на реку, как говаривали в тех краях, по рыбу. Но Нина не падала духом, она знала, авторитет к учителю приходит с годами, и у неё с каждым годом будет его всё больше и больше. Вот, когда она доведёт свои любимые четвёртые классы до седьмого, всё будет совершенно по-другому. Для них она уже Нина Павловна без всякого намёка на малейшую иронию. А пока она, хоть и мучается со своими семиклассниками, зато зарабатывает деньги – целых восемьсот рублей в месяц – и себя обеспечивает, и маме большое подспорье. У неё с сестрой ведь, кроме огорода, кур и козы, да мизерной пенсии ничего не было. Едой себя, за исключением хлеба и соли обеспечивали, но ведь и сало надо было прикупить на базаре, керосина раздобыть и одеждой какой-никакой разжиться. Ладно мама на себе крест давно поставила, а сестре Люське скоро пятнадцать, на неё уже парни начинают поглядывать, тут уж в штопаной рванине со двора не выйдешь! Да к тому же она, Нина, ещё и дело полезное делает. Кем бы сейчас эти почти взрослые недоучки были, если

бы не Советская власть и товарищ Сталин? Читали бы как их деды по складам, а то и вовсе жили бы в беспросветной темноте безграмотности. Пахали бы сохой. Так хоть на трактор сядут или после армии завербуются на комсомольскую стройку, или на новый завод устроятся, которых сейчас страна под руководством партии и правительства строит великое множество.

С такими мыслями в своей юной голове Нина двинулась в учительскую, располагавшуюся по соседству. У школы не было отдельного здания, а только четыре небольших домика. Настроение бодрое, урок удался, и погода ему под стать, почти весенняя, боевая. Мартовское солнце начало свою вечную войну с сугробами. Они как деревенские старики подсухли, обнажили чёрные точки невесть откуда берущейся зимой грязи, а под крышами хрусталём сверкали сосульки, их капли весело бухались в снег, и он скукоживался прямо на глазах.

Вдруг из маленькой постройки, где размещались учительская и кабинет директора, закутавшись в серый шерстяной платок, без пальто и без шапки вылетела Веселя Булава – обычно восторженная и радостная до глупости выпускница того же института, что и Нина. Веселя, она же Василиса, закончила в нём истфак на курс раньше. Она была аж на четыре с лишним года старше Нины; в оккупации и в партизанах, где она оказалась вместе с родителями, три зимы не ходила в школу. Ей уже стукнуло двадцать четыре, а это в таком возрасте немалая разница для дружбы. Тем не менее они быстро нашли общий язык, частенько пили чай у Весели в комнате, болтали, обсуждали петриковских кавалеров. Веселя уже вполне обустроила свою жизнь в Снядине, в отличие от Нины, жившей в хате с единственной комнатой вместе со своей квартирной хозяйкой – так было дешевле.

Обычно развесёлая, как будто стараясь оправдать деревенскую форму своего имени, Веселя сейчас заливалась слезами совсем как Нина, когда в сорок пятом они получили похоронку на отца. Нина впервые видела свою подружку в таком состоянии.

- Веселя, что случилось? Что произошло?

- Слу-ччи-лось, - всхлипывая и подрагивая плечами, едва пересилив колотившую её нервную дрожь, выговорила Веселя. – Ой случилось! – и зарыдала пуще прежнего.

- Так что, скажи!

Подруга продолжала рыдать.

- Батька что ли умер? – Отец Весели в последнее время в письмах всё жаловался на сердце, в больнице два раза лежал.

- Нет!

- Так что же случилось?

- Случ-чилось такое, такое!

- Так что такое случилось наконец?

- Случилось стр-рашное! С-самое стр-рашное!

Нина уже начала потихоньку паниковать. Неужели война? В последнее время много писали и говорили о войне корейского народа против американских интервентов. Опять? Оправиться от той не успели! Неужели наши не выдержали? Нет, помогать корейцам надо. Но война с американцами? Ведь теперь с неба посыплются не простые бомбы, как тогда осенью сорок первого во Ржеве, а атомные. Одна бомба, и целого города нет!

- Что? Неужели война?

- Хуже! – продолжая рыдать проскулила Веселя.

- Так что? Что может быть хуже войны?

- Товарищ Сталин, - голос Весели оборвался, она захлебнулась в слезах.

- Что товарищ Сталин? – недоумевала Нина, что мог плохого сделать товарищ Сталин, отец народов и лучший в мире человек.

- Умер, - наконец выдохнула Веселя.

Нина вся внутренне содрогнулась. «Сталин умер. Не война, конечно, но какая потеря! Как же теперь они без него? Как страна будет жить? Ведь он во всё вникал, всё знал, ведь всё знал! Даже про самый захудалый заводик всё знал, про пушки-танки всё знал, про урожай и надои, всё знал! Куда теперь без него двигаться и как!» Нет, Нина понимала, что он человек в годах и рано или поздно должен умереть. Не Бог всё же, в декабре праздновали его семидесятирелетие. Но ведь живут и дольше, вон её бабушке под восемьдесят, а она из огорода днями не вылезает. «Куда же смотрели врачи, лучшие должны были его лечить? Лучшие? - подумала Нина. - А прошлогоднее «дело врачей»? Значит, всё-таки залечили гады, и не оправился товарищ Сталин».

Нина смахнула слезинку, а вслух попыталась успокоить рыдающую подружку, приобняла её и стала шептать взволнованно:

- Ну, Веселя, Веселя, ну что ж делать, все мы смертные. Там другие люди есть, опытные, старые коммунисты. Недаром ведь их товарищ Сталин выдвинул, смену готовил.

Но Веселю ничего не могло утешить в тот момент, она вырвалась из объятий Нины и побежала в самую удалённую школьную хатку, где в этот час занятий не было.

В тот день Нина не могла думать ни о чём другом, только о великой утрате, постигшей страну. Объясняла правило пунктуации, а в голове стучала лишь одна мысль – как же мы теперь? Мучилась с неугомонными семиклассниками, а в мозгу свербило всё то же. Школьники восприняли смерть вождя довольно спокойно, только две-три девчонки явились на уроки зарёванными. В учительской тоже не чувствовалось особого горя. «Да что с них возьмёшь? С этих старых скучных обывателей! У них все мысли только о собственном огороде! Обе математички, говорят, вообще на немцев работали». Только парторг, старая еврейка, лишь в сорок седьмом вернувшаяся из эвакуации, суетилась и вместе с одноруким директором и комиссованным ещё в войну завхозом готовила траурные мероприятия.

Домой, в маленькую хату с соломенной крышей, где она жила со старухой Прокопьевной, вдовой ещё с Первой мировой войны, Нина добралась уже только когда

стемнело. Прокопьевна шерохалась с ухватом у большой печи, занимавшей чуть ли не половину всей комнаты. Обернулась и спросила быстро:

- А, прыйшла? А чога так поздно? Ти бульбу будешь? Скоро дойде. (*перевод некоторых слов см ниже)

Вопрос был риторическим, от картошки, да ещё из чугунка Нина никогда не отказывалась, но сегодня аппетита не было совсем.

- Нет, спасибо.

- А чога? – Прокопьевна обернулась и обратила наконец внимание на расстроенный вид Нины. – Ти случилось што?

Старуха явно ещё ничего не знала. Нина была не в силах сразу сообщить страшную весть, но, собравшись, выдавила из себя:

- Товарищ Сталин умер.

- Ай, - вскрикнула Прокопьевна, - ай, Боже! – Она перекрестилась в сторону почерневшей от времени иконки, висевшей в углу. – Ай, Боже мой! - перекрестилась ещё раз, вздохнула и продолжила уже другим, спокойным, даже немного злым голосом. - Убрав Господь супостата! - Прокопьевна ещё раз повернулась к образку и, осенив себя крестным знаменем, отвесила три земных поклона.

Ошарашенная Нина смотрела на эту картину и недоумевала. Первым желанием было броситься в сельсовет и рассказать там, какой враг живёт в их деревне. Но она отринула эту низкую мыслишку. Что возьмёшь со старухи, да к тому же она хорошая, добрая, просто выживает из ума потихоньку, вот и всё. Вслух лишь смогла выдавить из себя:

- Как вы можете так говорить? Это же товарищ Сталин! – Нина ткнула воздух над головой указательным пальцем правой руки. – Сам товарищ Сталин!

- Да изверг ён и супостат, - не унималась Прокопьевна, - скольких людёв угробив.

Нина, конечно, знала, что происходило в стране в тридцатые годы, поэтому ответила сразу, не задумываясь.

- Так ведь то враги были, они заговоры против страны плели, против партии!

- Та якяя такая заговоры! У тридцатым годе соседей увезли, больш их мы ня бачили. А люди хорошие были. А якяя кулаки яны? Просто хозяева справные. Да хиба их только? У трыдцать сёмом годе машина прыехала. Мужиков похватали сколько змогли у кузов засунуть – восемнадцать человек и усё. Не бачили их больш. А за что? Казали, што вредители. А яки-таки вредители? У нас у тым годе Прыпять два поля залила, большая вода была, якй старики ня помнили, а потом сушь вяликая. Вот табе и вредители. Пять чэовек, як гэта, - Прокопьевна задумалась, - а, без права пераписки атрымали.

- Что-то без права переписки?

- Ну получили.

- А почему без права переписки?

- Ты не ведаешь што гэта?

- Неее, - прошептала Нина.

- То азначае расстрэл. А другим по пятнаццаць, по дваццаць годов.

- Так уже почти шестнадцать прошло, - быстро посчитала Нина.

- Во-во, и я о тым же. Няма их уже на гэтым свете.

- Но они точно не вредители были?

- Та я табе кажу, прэсідатэль – гярой Гражданской войны, с Будённым воевав, счэтавод – три граматы имев от раёна, тры брыгадыра – до трыдцать сёмага у перадавіках хадзілі, один у раёне на доске гонару висел, да и остатние – нормальные мужики, усе калгас уместе стварылі. – Прокопьевна помолчала и добавила. - Дятей сиротами зрабілі. Вот так, Нина!

Ошарашенная Нина повернулась и выскочила во двор. В голове стучало «усе уместе калгас стварылі». Ну почему? За что? Неужели правда? А Он всё знал? И про это? Нет, значит, не всё он знал. Он же не мог знать про всё! Страна-то большая!

Нина шла по мрачной деревенской улице, кое-где в окнах горели керосиновые лампы. Темнота, ещё вчера огромная луна светила почти как днём, а сейчас – не видать ни зги, небо затянули тучи. Зато капель усилилась. В воздухе наконец запахло настоящей весной. Близился к завершению первый учебный год девятнадцатилетней выпускницы Мозырьского двухгодичного учительского института Нины Воеводовой. Умер Сталин.

* НЕКОТОРЫЕ ТРУДНЫЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ БЕЛОРУССКИЕ И ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА

бачить – видеть

гонор – почёт

гэта - это

ён – он

зрабіць – сделать

калгас – колхоз

няма – нет

стварыць - создавать

ти – если

хиба – разве

як – как, якой – какой

яны – они

Примечание. В тексте не воспроизводится литературный белорусский язык, поскольку на нём никто в тех краях не говорил. Правописание некоторых белорусских слов слегка русифицировано для лучшего понимания читателем.